

ПРОБЛЕМЫ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ПРОФИЛАКТИКИ
И ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ СЕКСУАЛЬНЫМ
КИБЕРПРЕСТУПЛЕНИЯМ

Е. В. Денисов

*Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»*

Поступила в редакцию 9 мая 2018 г.

Аннотация: анализируется комплекс технических, оперативно-профилактических, правовых и криминолого-психологических проблем и задач, вызванных увеличивающимся количеством сексуальных преступлений, совершаемых посредством Глобальной сети. Проводится объективная оценка опыта стран, правоохранительные органы и научные коллективы которых считают данное направление действительно приоритетным и задействуют для эффективного решения вновь возникающих вызовов серьезные материальные, научные и кадровые ресурсы.

Ключевые слова: неконтактные сексуальные преступления, интернет-преступность, криминальное поведение, криминологическая профилактика, сексуальные преступления, сексуальное насилие, эскалация, безопасность в Интернете.

Abstract: this article covers the complex of technical, preventive, legal, criminological and psychological issues caused by increasing number of sexual crimes committed via Internet. The authors evaluate the experience of countries where prevention of such crimes is considered a top priority by their law enforcement agencies and research groups, and substantial material, academic and human resources are employed to deal with these challenges.

Key words: non-contact sexual crimes, internet crimes, criminal behavior, crime prevention, sexual crimes, sexual violence, escalation, cyber security.

Технологическое развитие в области телекоммуникаций создает серьезные угрозы безопасности и благополучию граждан, особенно несовершеннолетних. Готовность к ним определяется не только уровнем технологической оснащенности, но и способностью к широкому пониманию сопутствующих проблем в области развития методологии исследований, права и социальных наук.

Очевидно, что развитие информационно-коммуникационных сетей, равно как и технический прогресс в целом формирует новые возможности для совершения преступлений, при этом сфера расширения преступной активности связана не только с неправомерным получением доступа к информации, кибератаками на серверы и кибермошенничеством с информацией о банковских операциях. Существует более тривиальная, но не менее опасная область преступной деятельности, которая весьма слабо поддается контролю, особенно в Российской Федерации, ввиду глобального отставания наших правоохранительных органов в части борьбы

с преступлениями в сфере высоких технологий. В данном случае речь идет об отдельных видах сексуальных преступлений, совершаемых при помощи сети «Интернет», как-то: распространение материалов с детской порнографией и ее «онлайн»-производство, размещение объявлений о сексуальных услугах несовершеннолетних, работорговле и пр.

Профилактика и противодействие данному виду преступных посягательств не может не являться приоритетной задачей для российских правоохранительных органов по целому ряду причин. Среди них способ совершения преступления (посредством Глобальной сети), а также специфичность механизма преступного поведения в процессе его совершения. Стоит также выделить недостаточно качественный и количественный формат специализации правоохранительных органов при расследовании таких преступлений. В настоящей статье осуществлен анализ ситуации в области сексуальных киберпреступлений в России и за рубежом, а также возможностей устранения потенциальных либо уже существующих угроз в этой сфере.

Виды сексуальной преступности, связанные с эксплуатацией несовершеннолетних, равно как и иные, входящие в эту категорию, имеют высокую латентность, еще более усиливающуюся в связи с большими возможностями конспирации для их субъектов. Последние, в особенности профессиональные изготовители детской порнографии и сообщества педофилов, действующие подчас как организованные преступные группы, пользуются для затруднения своей идентификации и обнаружения виртуальными частными сетями (VPN) и технологиями типа «Tor», работающими по принципу многоуровневого шифрования трафика и его анонимной передачи через цепочку серверов и обычных пользовательских ПК. Ввиду этих обстоятельств только способ совершения преступления – пакетная передача информации (как правило, в виде видеофонограмм) – создает значительные трудности для выработки рекомендаций по противодействию данным преступлениям. Потребуется либо новые возможности контроля и мониторинга интернет-трафика на территории Российской Федерации, что повлечет за собой необходимость использования значительных аппаратных ресурсов для дешифровки трафика VPN и «Tor»-сетей, либо непосредственного контроля основных серверов сети «Интернет», которые российским правоохранительным органам недоступны, так как находятся за рубежом и вне их юрисдикции. Одновременно подобные меры противодействия преступности создавали бы угрозу произвольного вмешательства в частную жизнь граждан, ограничения которой возможны только на основании судебного решения. Вероятным выходом из данной ситуации могло бы стать разделение субъектов хранения расшифрованных данных и органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, однако такое решение было бы весьма затратным.

Помимо досконального машинного перебора трафика сетей, существует возможность не блокировать сам источник, скрывающийся за множеством «зеркальных» серверов, а сделать нечувствительным по-

иск запрещенных к производству и распространению материалов через фильтрацию ключевых слов и хештегов. В частности, такую опцию для владельцев серверов предлагает компания Microsoft, выпускающая ПО, основанное на алгоритмах машинного обучения, позволяющего системе самостоятельно изучать контент и обходить средства противодействия модерации.

Другой важной проблемой в рассматриваемом контексте является разнообразие форм преступного поведения и способов совершения преступления его субъектами. Так, порнографические материалы могут распространяться не только в записи, но и транслироваться в «прямом эфире». В последнем случае технологии противодействия таким угрозам были бы весьма ресурсоемкими, поскольку возникает необходимость автоматизированного анализа потокового трафика в реальном времени. Помимо этого, в настоящее время Федеральное бюро расследований Департамента юстиции США (далее – ФБР) сталкивается с проблемой закрытых одноранговых сетей типа «peer-to-peer, P2P», в которых компьютеры пользователей выполняют одновременно функции клиента и сервера. Подобные технологии защищены от прямого мониторинга со стороны государственных органов, а оперативные мероприятия в них могут проводиться лишь при помощи внедрения в данную сеть сотрудников специальных подразделений по противодействию преступлениям в отношении несовершеннолетних. Однако сети подобного формата используются в большей степени для обмена видео- и фотоматериалами в рамках «групп по интересам», т. е. закрытых сообществ педофилов и производителей детской порнографии. Так, по данным ФБР¹, в среднем трое из каждых 10 000 пользователей P2P-сетей обмениваются порнографическими материалами при 840 000 инсталляций специального программного обеспечения для подобных целей с 2011 по 2014 г., что в глобальных масштабах является значительной цифрой, но все равно не отражает картину в целом.

Значительная часть подпольного рынка детской порнографии и сексуальных услуг связана трафиком и содержанием людей в рабстве. По данным Международной организации труда, только в Европейском и Центрально-Азиатском регионе сексуальной эксплуатации подвергается более 700 тыс. человек² (14 % от общего числа жертв в мире). При этом более 1 млн жертв по всему миру являются несовершеннолетними (не достигшими 18-летнего возраста). Большую часть пленников содержат организованные преступные группировки, перемещающие их через границу при содействии правоохранительных органов отдельных стран.

Отметим, что в США и Великобритании регулярно проводятся операции по освобождению содержащихся в рабстве и эксплуатируемых в

¹ Federal Bureau of Investigation (2017). The Scourge of Child Pornography. Working to Stop the Sexual Exploitation of Children. Retrieved from. URL: <https://www.fbi.gov/news/stories/the-scourge-of-child-pornography>

² International Labour Office (ILO). Global estimates of modern slavery: Forced labour and forced marriage. Geneva, 2017. P. 39–40.

различных формах несовершеннолетних. В США это операции «Cross country», проводящиеся специальными подразделениями ФБР и локальными полицейскими управлениями ежегодно. В Великобритании также существует специализированное подразделение Национального антикриминального агентства – «СЕОР», курирующее одновременно телекоммуникационную и «физическую» составляющую рассматриваемой преступной деятельности, т. е. непосредственное освобождение эксплуатируемых несовершеннолетних, содержащихся в неволе.

При рассмотрении операций зарубежных правоохранительных органов по противодействию распространению порнографической продукции с участием несовершеннолетних (в особенности через Интернет), их насильственному удержанию и трафику, необходимо обратить внимание на тактическую сторону планирования данных оперативных действий.

Во-первых, сотрудники технических служб полиции производят идентификацию центров распространения порнографических материалов с участием несовершеннолетних. Данная информация получается посредством анализа Сети и одновременно агентурных данных. Необходимые сведения собираются также на основании данных, предоставляемых неправительственными организациями; в США это NCMEC (Национальный центр по пропавшим и эксплуатируемым детям).

Во-вторых, перед проведением операции производится колоссальная оперативная подготовка, основанная на изучении личности и поведения преступников, географии их перемещения в рамках населенного пункта, региона, страны; анализируется сетевая структура преступной сети. Подобные криминологические методы оперативного анализа применяются с целью не допустить причинения вреда несовершеннолетним в ходе задержания субъектов, а также их перемещения, перепродажи и т. п.

В-третьих, задержание всех участников преступной сети производится в крайне ограниченный период. Так, операция «Cross country XI» была проведена в течение трех дней с 13 по 15 октября 2017 г.³ В ходе нее было освобождено 84 несовершеннолетних, содержащихся с целью различного рода эксплуатации; арестовано 120 подозреваемых. В ходе аналогичной операции в Соединенном Королевстве, проведенной в начале декабря 2017 г., в течение одной недели правоохранители обезопасили 245 детей, в отношении которых совершались неконтактные сексуальные преступления посредством сети «Интернет», и задержали 192 подозреваемых в совершении указанных преступлений⁴.

Помимо оперативных мер профилактики и противодействия сексуальной киберпреступности, за рубежом совершенствуется и законодательная база.

³ Federal Bureau of Investigation (2017). FBI Announces Results of Operation Cross Country XI. Retrieved from. URL: <https://www.fbi.gov/news/pressrel/press-releases/fbi-announces-results-of-operation-cross-country-xi>

⁴ National Crime Agency (2017). 245 children safeguarded and 192 arrests for child sex abuse offences. Retrieved from. URL: <http://www.nationalcrimeagency.gov.uk/news/1252-245-children-safeguarded-and-192-arrests-for-child-sex-abuse-offences>

Ряд организационных мер по противодействию сексуальным преступлениям против несовершеннолетних, которые по общему правилу закрепляются в ведомственных приказах и инструкциях, касающихся их собственной организационной структуры, в США закреплены в федеральном законодательстве. Так, в 1998 г. в США был принят закон «Protection of Children From Sexual Predators Act of 1998»⁵, предписывающий Генеральному прокурору США создать специализированное подразделение в структуре Национального центра по изучению насильственной преступности ФБР – Следственный ресурсный центр по похищениям и серийным убийствам несовершеннолетних (Child Abduction and Serial Murder Investigative Resources Center (CASMIRC)). Помимо него, в ФБР противодействием насильственным и сексуальным преступлениям против несовершеннолетних, в том числе совершаемых через Интернет, занимаются еще такие подразделения, как Child Exploitation Task Forces (CETFs), Internet Crimes Against Children (ICAC), Task Forces и BAU-III (Behavioral Analysis Unit-III)⁶, а также выделенные для этой работы агенты в полевых офисах. Кроме того, существуют 16 региональных компьютерных центров для анализа цифровых данных, связанных с рассматриваемыми видами преступлений, а всего в работе по противодействию киберпреступлениям против несовершеннолетних задействовано около 326 сотрудников⁷ (только в ФБР) на 2009 г.

Не менее интересен опыт США в области законодательного регулирования распространения потенциально оскорбительного или неприличного (сексуализированного) контента в Интернете. Основой в данном случае выступают судебные прецеденты, устанавливающие баланс между гражданскими правами и безопасностью несовершеннолетних. В качестве наиболее интересных можно выделить два: «*Reno v. American Civil Liberties Union*» и «*Ashcroft v. American Civil Liberties Union*». В рамках первого Американский союз гражданских прав требовал отмены отдельных положений закона «Communications Decency Act of 1996» (далее – CDA), устанавливающих ответственность за рассылку или демонстрацию лицам, не достигшим 18 лет, материалов (сообщений) порнографического и иного неприличного характера, потенциально вредных для их психики. В своем решении Верховный Суд США признал неконституционными оспариваемые статьи CDA, поскольку они могли иметь неоднозначное и необоснованно расширительное толкование в части ограничения на доступ к информации. Данные положения вводили также ряд неэффективных, но затратных барьеров для идентификации при получении доступа аудитории к «взрослому» контенту, причем таковые могли сво-

⁵ Protection of Children From Sexual Predators Act of 1998. Public Law No: 105–314 (10/30/1998).

⁶ Третий отдел поведенческого анализа (по преступлениям против несовершеннолетних) Национального центра по изучению насильственной преступности ФБР.

⁷ The Federal Bureau of Investigation’s Efforts to Combat Crimes Against Children. Audit Report 09-08. P. I–II.

бно обходиться и несовершеннолетними; по сути, к Интернету применялось то же регулирование, что и к теле- и радиопередачам, в которых возможность фильтрации контента пользователем ограничена. В связи с данными обстоятельствами Верховный Суд США ограничил действие акта, за исключением положений, касающихся детской порнографии и информации, распространяемой с целью прямого оскорбления.

Второй прецедент заключается в решении Верховного Суда США по оспариванию конституционности «Child Online Protection Act» (COPA). Данный закон предписывал блокировать контент, потенциальная степень вредности которого определялась «общественными нормами», что создавало «резиновую» норму, нарушавшую, по мнению Верховного Суда США, 1-ю поправку к Конституции Штатов (о свободе слова, собраний, совести и подачи петиций). Помимо этого, в акте не учитывались альтернативные способы ограничения доступа несовершеннолетних к потенциально вредному контенту, как, например, выборочно блокирующего ПО.

Таким образом, судебная власть в США, поддерживая законодателя в вопросах противодействия распространению нелегальных материалов, связанных с сексуальной эксплуатацией несовершеннолетних, не допускает внедрения цензуры через расширительное толкование формулировок закона, а также оценивает технологическую целесообразность использования исполнительной властью тех или иных мер.

В настоящее время законодательным нововведением в США является пакет поправок к Разделу 230 CDA, называемом «FOSTA-SESTA Package»⁸. Изначально первая часть данного пакета – «FOSTA» – была разработана с целью противодействия онлайн-рекламе сексуальных услуг и работоторговле, в том числе в завуалированном виде. Суть закона заключается в лишении интернет-провайдеров иммунитета от ответственности в случае размещения на сайтах, обслуживаемых их серверами информации о противоправных услугах (проституция, работоторговля), нелегального сексуального контента и т. п. На субъектов обеспечения доступа к информации и ее распространителей возлагается требование об отслеживании и блокировке незаконного контента, а также информации (в том числе рекламного характера) о сексуальных услугах. Подобный контроль может осуществляться при помощи программных пакетов типа «Content Moderator» Microsoft Azure и др.

К марту 2018 г. в «FOSTA», являвшимся законопроектом Сената США, был принят ряд дополнений Палаты представителей – «SESTA». Таким образом, был сформулирован новый пакет изменений действовавшего регулирования, устранявший пробелы в законодательстве и позволявший спецслужбам более активно бороться с сексуальной эксплуатацией и работоторговлей. Одновременно при окончательном формировании билля были внесены поправки, позволяющие жертвам сексуальных преступлений, совершенных с использованием Интернета, выступать с ис-

⁸ Используются сокращенные аббревиатуры двух биллей: «FOSTA» – Fight Online Sex Trafficking Act и «SESTA» – Stop Enabling Sex Traffickers Act.

ками к провайдерам, при помощи сетевого (технического) оборудования которых таковые были совершены.

Между тем актуальность проблемы противодействия сексуальной эксплуатации несовершеннолетних с использованием информационных технологий в России только повышается. Так, Уполномоченная по правам ребенка при Президенте РФ А. Кузнецова в конце 2016 г. заявила, что за последние пять лет «количество зарегистрированных преступлений по фактам изготовления и оборота в сети «Интернет» детской порнографии возросло на 63,3 %, а число потерпевших детей увеличилось в 5,7 раз»⁹.

Не добавляет оптимизма и изученная в рамках данного исследования статистика ГИАЦ МВД России за период с 2010 по 2016 г. Как видно из таблицы, количество преступлений, предусмотренных ст. 242.1 УК РФ «Изготовление и оборот материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних», колеблется из года в год, но в целом остается на достаточно высоком уровне.

Т а б л и ц а

*Данные о преступлениях, предусмотренных ст. 242.1 УК РФ**

Год	Зарегистрировано дел в отчетном периоде	Приостановлено дел по п. 1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ	Прирост зарегистрированных дел к АППГ, %	Приостановлено дел от числа возбужденных, %
2010	613	80	72,3	13,05
2011	379	68	-38,2	17,94
2012	554	158	46,2	28,51
2013	1601	160	34,6	9,99
2014	996	237	37,9	23,79
2015	1131	233	13,6	20,60
2016	455	147	-59,8	32,30

*Материалы сборников «Единый отчет о преступности» ГИАЦ МВД России за 2010–2016 гг.

Обращает внимание весьма высокий медианный процент¹⁰ (Me = 20,6) приостановленных дел по причине неустановления лица, подлежащего привлечению к уголовной ответственности в качестве обвиняемого (п. 1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ), что может способствовать формированию «серии» эпизодов, что, в целом, характерно для преступлений на сексуальной почве. Еще одной, на этот раз нетипичной, особенностью приводимых статистических данных является их чрезмерная нелинейность. По общему правилу «скачки» уровня преступности, например более чем на 400 %, между 2011 и 2013 гг. могут объясняться причинами объек-

⁹ Кузнецова: объем детской порнографии в Интернете за 5 лет вырос на 63 %. URL: <https://ria.ru/society/20161101/1480448277.html> (дата обращения: 02.04.2018).

¹⁰ Медианное значение ряда процентных показателей. Использовано с целью сглаживания статистических «выбросов», как-то: значение 2013 г. (9,99 %).

тивного характера – изменением форм отчетности, подследственности органа, обычно осуществляющего оперативное сопровождение расследования и т. п. Однако за изученный период таких изменений не происходило, что наталкивает на мысль о субъективных факторах, влияющих на статистику, а именно бессистемности работы ГУУР и БСТМ МВД РФ и подчиненных им подразделений. Не имея данных об оперативной работе служб, можно предположить, что их деятельность состоит по большей части из «облав» на случайно выявленные организованные преступные группировки. Другие обстоятельства, объясняющие приведенные цифры и «разнобой» в них, видятся маловероятными, поскольку в российских правоохранительных органах сколь-нибудь крупных специализированных подразделений по борьбе с сексуальной преступностью, в том числе в интернет-пространстве, нет.

Помимо технических и правовых аспектов противодействия сексуальной киберпреступности, не меньшее значение, на наш взгляд, имеет анализ поведения лиц, склонных к подобным формам противоправных деяний. Необходимо отметить, что в Российской Федерации для представителей академической науки крайне затруднен доступ к осужденным за преступления рассматриваемой категории. Тем не менее, опираясь на международный опыт, можно с уверенностью утверждать, что личность данных преступников имеет свои криминологически значимые особенности, знание которых может способствовать углублению и повышению эффективности профилактики преступлений.

Первоначально при рассмотрении криминологической характеристики сексуальных киберпреступлений видится очевидным, что таковые носят, в первую очередь, неконтактный характер, и тем не менее являются сексуальными; использование информационно-коммуникационных сетей при их совершении, на наш взгляд, это вторичный аспект, отражающий выбор субъектом способа совершения преступления. Этот факт позволяет рассмотреть данную категорию преступных посягательств в «макроформате» с целью определения номенклатуры сходных преступных деяний, связанных с ним в криминологическом контексте, и классифицировать их.

Определенные сложности для понимания различий в классификации сексуальных преступлений, особенно в России и США, создают те направления, по которым пошли теоретики уголовного права в этих странах. Еще в конце XIX в. существовал спор между «классической» и «социологической» школами уголовного права. Например, последняя еще при обсуждении проекта Уголовного уложения 1903 г. настаивала на большей «антропологизации» уголовной ответственности и переносе фокуса внимания с деяния на субъекта, а также классификации преступников и преступлений в зависимости от степени опасности личности или причин преступления¹¹. Именно такой подход сейчас преимущественно исполь-

¹¹ Уголовное право : учебник : в 3 т. Т. 1 : Общая часть / под общ. ред. А. Э. Жалинского. М., 2010. С. 157–158.

зуется в Великобритании и США, где на криминологическую науку оказала серьезное влияние Чикагская криминологическая школа, рассматривавшая социальные и энвайронментальные факторы преступности в качестве основных.

В настоящее время значительное число социологических методов и подходов к изучению сексуальной киберпреступности действительно широко используется криминологами в США, однако преступления рассматриваемого вида в соответствии с «Руководством по классификации преступлений»¹² (Crime classification manual) относятся к компьютерным и приведены в Секциях 523 «Киберсталкинг» и 524 «Преступления [компьютерные] против детей». В основном это объясняется тем, что предметом преступления могут являться компьютер, информация на нем, а также сам пользователь¹³. Данный подход в определенных аспектах можно подвергнуть критике, так как согласно практике и значительному числу зарубежных исследований многие сексуальные преступления, начавшиеся в Интернете, продолжаются в реальной жизни («офлайн»). Возможность такого развития событий определяется совокупностью элементов криминологической характеристики преступника, включающей его социально-демографические и психолого-поведенческие данные, на основании которых устанавливается соотношение типичных паттернов (характерных поведенческих моделей) при совершении преступления и свойств личности преступника, проявляющихся в них же.

В первую очередь, поведенческие паттерны сексуальных киберпреступников, равно как и иных субъектов, совершающих иные преступления на сексуальной почве, весьма стабильны¹⁴, что позволяет объединять их в группы по признаку устойчивой корреляции между *modus operandi* преступлениями и индивидуальными характеристиками преступника, включающими установочные данные (пол, возраст, навыки и привычки, сформировавшиеся на основе опыта, принадлежность к социальным группам, район проживания и др.). Таким образом, могут быть сформированы общая и дифференцированные криминологические характеристики субъектов компьютерных киберпреступлений.

В качестве общей криминологической характеристики в большинстве случаев выделяется дихотомия на основе направленности и динамики мотивации субъекта: *фантазийно-нацеленные и контактно-нацеленные*¹⁵. Первые при совершении преступления ограничиваются соблаз-

¹² Наиболее авторитетная в США система классификации тяжких и насильственных преступлений.

¹³ См.: Douglas J., Ann W. Burgess A.W., Burgess A.G., Ressler R.K. Crime Classification Manual: A Standard System for Investigating and Classifying Violent Crime. 3rd ed. Hoboken, 2013. P. 399–400.

¹⁴ См.: Sjöstedt G., Långström N., Sturidsson K., Grann M. Stability of Modus Operandi in Sexual Offending // Criminal Justice and Behavior. 2004. Vol. 31, № 5. P. 610–614.

¹⁵ См.: Broome L. J., Izura C., Lorenzo-Dus N. A systematic review of fantasy driven vs. contact driven internet initiated sexual offences: Discrete or overlapping typologies? // Child Abuse & Neglect. 2018. Vol. 79. P. 434–444.

нением несовершеннолетних, нередко создавая фальшивые страницы в социальных сетях; склонны к эксгибиционизму (в том числе «от имени» другого лица, с целью провоцирования взаимных действий со стороны жертвы, ее последующего шантажа и сексуальной эксплуатации). На «офлайн»-контакты представители группы, как правило, не мотивированы. Контактно-нацеленные сексуальные киберпреступники, как следует из наименования группы, используют Интернет, в большей степени, как средство для знакомства с жертвой и получения в последующем физического доступа к ней. После этого могут иметь место самые разнообразные последствия, вплоть до похищения, принуждения к проституции и иной эксплуатации.

При классификации сексуальных кибер- и иных преступников по совокупностям паттернов, составляющих *modus operandi* и, далее, – криминологическую характеристику совершаемых ими типов преступлений, необходимо обозначить, что базисом подобной классификации являются отнюдь не глубокие теоретические обобщения и даже не статистические оценки элементов механизма преступного поведения при реализации преступного умысла. Полагаем их лишь внешними проявлениями личностных расстройств биосоциального генеза.

В частности, значительное число исследований посвящено изучению психопатии – асоциального/антисоциального расстройства личности. Данная разновидность расстройства социализации и поведения впервые была систематически описана доктором Х. Клекли в 1941 г. в монографии «The Mask of Sanity» – «Маска нормальности». Выделенные в названной книге особенности поведения и восприятия социума лицами с клиническими случаями расстройства личности в целом корректны по сей день, однако непреходящую сложность вызывает анализ этиологии подобных расстройств, необходимый для понимания их причин и условий развития и, безусловно, вопросы профилактики таковых.

Именно в части изучения этиологии развития поведенческих патологических расстройств, приводящих к совершению преступления, возникает большинство исследовательских задач. Согласно новым инструментальным исследованиям¹⁶ (МРТ при высоком разрешении), снижение эмоционального восприятия, жестокость и снижение способности к усвоению социальных норм коррелируют со снижением плотности и восприимчивости к внешним стимулам миндалевидных тел (миндалин) и полосатого тела лимбической системы головного мозга. У лиц с личностными расстройствами наблюдаются также патологические изменения в медиальной части префронтальной, орбитофронтальной коры и различных билатеральных областях височных долей, ответственных за принятие решений, реакции торможения, рефлексии. Отметим, что данные исследования не являются попыткой «биологизации» причин значительной массы тяжких преступлений. В течение последних 12 лет работы по этому направлению велись с использованием инструменталь-

¹⁶ См.: DeLisi M. Psychopathy as Unified Theory of Crime. N.Y., 2016. P. 42–45.

ных методов (преимущественно функциональным МРТ): картировались и анализировались нейронные связи подростков-правонарушителей и взрослых¹⁷. Так, были получены данные об эмпатическом восприятии окружающих сексуальными преступниками¹⁸, которые сравнивались в исследуемой (субъекты преступлений) и контрольной группах¹⁹. Серьезной критической оценке подвергнуты отдельные критерии оценки вменяемости ввиду выводов, сделанные в ходе изучения реакций торможения. Результатами данных изысканий стали не только выработка определенных рекомендаций по раннему выявлению склонности к криминальному насилию, но и разработка нового научного направления – нейрокриминологии²⁰.

В контексте вышеизложенного полагаем, что комплексом причин нейropsychологического генеза можно объяснить и склонность к совершению сексуальных преступлений (как с использованием информационно-коммуникационных сетей, так и в целом относящимся к группе), и достаточно устойчивое разделение поведенческих паттернов преступников. Реакции субъектов на внешние раздражители стереотипизируются, а ввиду суженности сознания фокусируются на наиболее первичных (значимых) для индивида потребностях/стимулах. Нарушения в работе лимбической системы головного мозга, регулирующей возникновение и прерывание импульсов, связанных с данными потребностями, в совокупности со «сбоями» в работе префронтальной коры (ответственна за реакции торможения/агрессии) дают результат в виде нейropsychологической потребности в разрядке сексуального напряжения и выработке ряда гормонов, в зависимости от которых попадает преступник; возникает аддиктивное поведение, усиливающееся по мере накопления аффекта.

В случае с сексуальными киберпреступлениями сведения о нейropsychологических и нейрофизиологических нарушениях в психике субъектов преступлений могут способствовать ведению эффективной профилактической работе с данным контингентом. Если исходить из того, что подобное криминальное поведение вызвано теми или иными расстройствами/заболеваниями, логично будет предположить, что таковые могут «протекать», т. е. иметь определенную динамику, которая, согласно психолого-криминологической практике, очень часто может быть отрицательной. Подобная модель развития криминальной карьеры называется эскала-

¹⁷ См.: *Umbach R., Berryessa C.M., Raine A.* Brain imaging research on psychopathy: Implications for punishment, prediction, and treatment in youth and adults // *Journal of Criminal Justice*. 2015. Vol. 43. P. 295–306.

¹⁸ См.: *Ibid.*

¹⁹ См.: *Contreras-Rodríguez O., Pujol J., Batalla I., Harrison B.J., Soriano-Mas C., Deus J., López-Solà M., Macià D., Pera V., Hernández-Ribas R., Pifarré J., Menchón J. M., Cardoner N.* Functional Connectivity Bias in the Prefrontal Cortex of Psychopaths // *Consciousness and Cognition*. 2005. Vol. 14. P. 698–718.

²⁰ См.: *Glenn A. L., Raine A.* Neurocriminology : Implications for the punishment, prediction and prevention of criminal behavior // *Nature Reviews Neuroscience*. 2014. Vol. 15. P. 54–63.

цией, или, говоря языком, более приближенным к медицине, деградацией.

Общая модель таких эскалационных изменений описана в исследовании группы ученых-криминологов из Университета Монреалья: Франсис Фортэн, Сары Пакет и Бенуа Дюпон. Указанная модель включает в себя следующие стадии²¹:

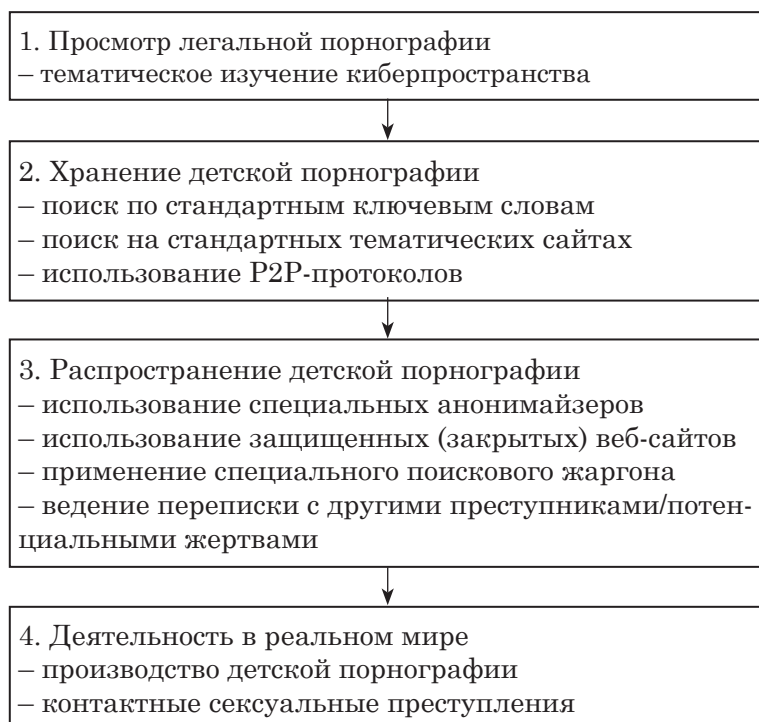

Схема эскалации в механизме преступного поведения сексуальных киберпреступников

Похожая модель эскалации криминального поведения усматривается и у обычных «контактных» сексуальных преступников. Согласно выполненному в Канаде исследованию поведения и *modus operandi*²² бывшего полковника ВВС Канады Р. Уильямса, начавшего криминальную карьеру проникновением в дома с целью кражи нижнего белья (фетишизма) и закончившим ее совершением двух сексуальных убийств, просматривается выраженная склонность к эскалации криминального поведения как по частоте эпизодов (сокращение интервалов между преступлениями), так и по характеру преступных намерений (от краж со взломом, до

²¹ См.: Fortina F., Paquette S., Dupont B. From online to offline sexual offending: Episodes and obstacles // *Aggression and Violent Behavior*. 2018. Vol. 39. P. 33–41.

²² См.: Brankley A. E., Goodwill A. M., Reale K. S., Escalation from fetish burglaries to sexual violence: A retrospective case study of former Col., D. Russell Williams // *Journal of Investigative Psychology and Offender Profiling*. 2014. Vol. 11. P. 115–135.

изнасилований и убийств). Важно, что при анализе 82 преступных эпизодов усматривается явный волновой характер во временной плотности совершения преступлений, что подтверждает ранее выдвинутый тезис о цикличности в поведении практически всех видов сексуальных преступников.

Предупреждение неконтактных сексуальных преступлений, совершаемых с помощью сети «Интернет», на наш взгляд, имеет особую значимость, поскольку они, во-первых, сложны для выявления посредством типичных наборов криминологических и криминалистических средств и методов; во-вторых, могут иметь вполне не виртуальные последствия, начиная от психологических травм и заканчивая похищением с последующей незаконной эксплуатацией (рабством). В связи с этим полагаем, что описанные и проанализированные особенности работы зарубежных правоохранительных органов в этой сфере, опирающиеся на данные последних научных исследований, могут стать весомым подспорьем в определении наиболее важных направлений правоохранительной деятельности по данному направлению.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Денисов Е. В., аспирант кафедры уголовного права и криминалистики, стажер-исследователь Международной лаборатории прикладного сетевого анализа

*E-mail: denisov270@yandex.ru
Тел.: 8-929-677-28-27*

National Research University Higher School of Economics

Denisov E.V., Post-graduate Student of the Criminal Law and Criminalistics Department, Intern-Researcher of the International Laboratory for Applied Network Research

*E-mail: denisov270@yandex.ru
Tel.: 8-929-677-28-27*